ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81’37

© 2024 Э. С. Ветрова

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ «АЛЛАХ / БОГ» В ЛЕЗГИНСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена изучению эмотивного потенциала высказываний с компонентом «Аллах / Бог» в лезгинском и украинском языках. Установлено, что в обоих языках данные речевые единицы характеризуются экспрессивностью, семантической диффузностью и в зависимости от контекста могут реализовать различные эмотивные смыслы. Отмечается, что в сопоставляемых языках исследуемые эмотивы первоначально использовались в религиозной сфере, где выполняли магическую функцию, обеспечивая взаимодействие человека с Богом. Вследствие частого употребления в однотипных ситуациях они утратили сакральные семы, подверглись интеръективации и трансформировались в разряд междометий, выражающих различные эмоциональные состояния и оценочные реакции говорящего. В результате исследования автор приходит к выводу, что в лезгинском и украинском языках высказывания с компонентом «Аллах / Бог» выражают схожие эмотивные смыслы, однако способ их языковой манифестации имеет национально-специфический характер.

Ключевые слова: *эмотивы, эмотивная семантика, Бог, Аллах, лезгинский язык, украинский язык.*

© 2024 E. S. Vetrova

EMOTIVE UTTERANCES WITH THE «ALLAH / GOD» COMPONENT IN LEZGIAN AND UKRAINIAN

The article addresses the emotive potential of utterances with the component «Allah / God» in the Lezgian and Ukrainian languages. It has been established that in both languages these speech units are characterized by expressiveness, semantic diffuseness and, depending on the context, they can express various emotive meanings. It is noted that in compared languages, the emotives under analysis were initially used exclusively in the religious sphere, where they performed a magical function, ensuring the interaction between man and God. Due to a frequent use in similar situations, they lost their sacred semes, underwent interjectivisation and transformed into the category of interjections expressing various emotional states and evaluative reactions of the speaker. In the result of the research, the author comes to the conclusion that in Lezgian and Ukrainian, utterances with the component «Allah / God» convey similar emotive meanings, but their language manifestation has a national-specific character.

Key words: *emotives, emotive semantics, God, Allah, Lezgian, Ukrainian.*

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

1. Введение. Современный этап развития лингвистики характеризуется пристальным вниманием ученых к проблеме репрезентации эмоций в языке. Тот факт, что эмоции являются мотивационной основой не только познавательной, но и коммуникативной деятельности человека, а значит нуждаются в разноаспектном лингвистическом описании, сегодня уже не вызывает сомнений. Однако еще в XX веке некоторые авторитетные ученые утверждали, что эмоции не должны быть объектом лингвистического исследования [Sapir, 1921], поскольку «эмоция не входит в семантическую структуру слова, а является своего рода "наростом", ассоциацией, образующей концептуальное ядро» [Kerbrat-Orecchioni, 1977: 45]. Таким образом, «образование идеи для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции» [Sapir, 1921]. Несмотря на то, что в лингвистке параллельно сформировался и противоположный подход, согласно которому «в языке все движимо эмоциями» [Балли, 1921], а «речь всегда аффективна, т. к. направлена на то, чтобы воздействовать на получателя» [Гийом, 1992], в языкознании долгое время данные факты игнорировались, вследствие чего попытки изучения данной проблемы были сведены к минимуму.

Во II пол. XX в. с утверждением в науке антропоцентризма и формированием новых научных приоритетов ученые уже не могли отрицать, что эмоциональная сфера – самое яркое проявление человеческого фактора в языке, т. к. для любого человека «естественно реагировать на мир эмоционально» [Телия, 1981: 203], вследствие чего «эмотивность» как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [Шаховский, 2008] оформилась в особую лингвистическую категорию и стала объектом различных лингвистических интерпретаций [см., например: Арутюнова, 1999; Вежбицкая, 1996; Карасик, 2009; Телия, 1981; Шаховский, 2008, 2010, 2012 и др.]. Как отмечает основоположник эмотивной лингвистики В. И. Шаховский, «ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации / импликации, для манифестации и сокрытия <…>» [Шаховский, 2012: 58].

Несмотря на тот факт, что в последние десятилетия проблеме репрезентации эмоций в системе языка посвящается все большее количество работ [см., например, Ветрова, 2015; Ионова, 2010, 2022; Пиотровская, 2015 и др.], на сегодняшний день не все ее аспекты получили должное лингвистическое освещение, что обусловлено сложной и многогранной природой изучаемого феномена. В настоящее время все еще недостаточно изучены

критерии эмотивности языка и его знаков, механизмы категоризации и объективации эмоций посредством различных языковых единиц, ощущается недостаток исследований, посвященных описанию национально-культурной специфики вербализации эмотивных смыслов и др. В условиях расширения коммуникативного пространства и интенсификации межкультурных контактов возникает острая необходимость в сопоставительном изучении способов категоризации и вербальной репрезентации эмоций в различных лингвокультурах, что позволит более глубоко изучить эмотивный потенциал сопоставляемых языковых кодов и тем самым способствовать решению таких актуальных проблем современной межкультурной коммуникации, как преодоление лингвокультурных барьеров, формирование межкультурной чувствительности, повышение эффективности межкультурного взаимодействия и др.

Категория «эмотивности» реализуется с помощью комплекса разноуровневых языковых средств (фонетических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, стилистических, коммуникативных), которые в современной лингвистике принято называть эмотивами. По мнению В. И. Шаховского, эмотив – это «языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы и т. д., благодаря чему эта единица адекватно используется для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего» [Шаховский, 2012: 8].

Цель настоящего исследования – изучить эмотивный потенциал речевых образований с компонентом «Аллах / Бог» в лезгинской и украинской лингвокультурах, выявить сходства и различия в способах манифестации эмоций посредством данного вида эмотивов.

Материалом исследования послужили эмотивы с компонентом «Аллах / Бог», отобранные путем сплошной выборки из лексикографических источников, текстов художественной литературы и фольклора. Всего проанализировано 250 языковых контекстов, из них: 120 – в лезгинском языке и 130 – в украинском языке.

2. Основная часть

2.1. В лезгинском и украинском языках высказывания с компонентом «Бог/Аллах» обладают большим эмотивным потенциалом. Основой формирования эмотивности в них служат лексемы *Бог* и *Аллах*, в семантической структуре которых даже вне контекста актуализируются ярко выраженные оценочно-характеризующие семы. Как утверждают этимологи, имя *Аллах* имеет арабские корни. Оно образовано в результате сочетания определённого артикля *аль-* ‘этот’ и лексемы *Илах* ‘Тот, Кому поклоняются’, ‘Достойный поклонения’, т. е. ‘Бог’ [СЛЯ, 2003]. Таким образом, в дословном переводе с арабского языка *Аль-Илах* означает ‘этот Бог’, ‘единый, единственный Бог’: «Он – Аллах – единый,

Аллах Самодостаточный; Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему» (Коран, Сура «Очищение (веры)», 112:1-4). Это дает основания утверждать, что слово *Аллах* указывает на *Единство* и *Единственность Всевышнего,* а значит содержит ярко выраженные оценочные коннотации.

Лексема *Бог,* как предполагают ученые, происходит от общеславянского слова *bogъ* – «наделяющий богатством, бог», которое в свою очередь восходит к древнеарабскому *baha, baga* – «участь, судьба», «господин, бог» либо древнеиндийскому *bhaga-h* – «благосостояние, счастье», а также «наделяющий, дарующий» [Фасмер]. Кроме того, этимологами установлены родственные связи слова *Бог* со словом *богатство* [Фасмер], что отражает представление о Боге как полноте бытия, совершенстве и источнике многочисленных благ, которыми Всевышний наделяет людей, когда они приобщаются к Нему.

По данным словарей, лексема *Бог* обозначает общее понятие: «верховное всемогущее существо, управляющее миром» [ВТСУМ, 2004], «создатель Вселенной» [Даль], т. е. является гиперонимом по отношению к наименованиям, обозначающим частные сущности: *Христос, Аллах, Яхве, Иегова* и др. – гипонимам. Таким образом, в сознании любого человека, независимо от его религиозных предпочтений, лексема *Бог* и ее гипонимы имеют положительно-оценочные коннотации и устойчиво ассоциируются с творцом мира, высшим разумом, морально-нравственным эталоном, от которого зависит судьба человека.

2.2. В лезгинском и украинском языках лексемы *Аллах, Бог* послужили основой для формирования большого количества эмотивных высказываний, которые по сфере использования можно поделить на две группы: 1) религиозные и 2) повседневно-бытовые.

Речевые единицы первой группы восходят к архаическим магическим формулам (заговорам, заклинаниям, клятвам и др.). В первобытном коллективе они представляли собой одну из форм общения человека с высшими силами и использовались с целью регулирования и поддержания определенного природного и социального порядка. Если на ранних стадиях развития общества, в эпоху политеизма, данные речевые единицы адресовались многим богам, то с утверждением монотеизма они стали апеллировать к одному Богу – вначале главному, а затем – единственному и всемогущему. Речевые единицы, сохранившие культовые семы, сегодня активно функционируют в различных ритуальных контекстах, обеспечивая взаимодействие между представителями сакрального и профанного миров, в частности являются неотъемлемой частью молитв – вербальных

обращений человека к Богу с просьбой о помощи, или с целью покаяния, хвалы, благодарения, например: лезг. *Бисмиллахи рахмани рахим!* ‘Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!’ (высказывание, с которым верующие приступают к еде или к какому-либо другому действию); *Таквадай баладикай Аллагьди хьуй (хьурай)* ‘От невидимой напасти да спасет Аллах!’; укр. *Боже, будь милостивий до мене грішного! Слава Тобі, Господи!; Господи, помилуй! Боже, благослови!*

С течением времени, вследствие частого и семантически избыточного употребления в однотипных контекстах, некоторые речевые единицы утратили сакральный характер, подверглись интеръективации, трансформировавшись в восклицания, сигнализирующие о различных эмоциональных состояниях и оценочных реакциях коммуникантов. При этом следует отметить, что большинство таких вторичных образований в сопоставляемых языках характеризуются полифункциональностью и могут употребляться как в сакрально-ритуальных контекстах, так и в разговорной речи. Приведем несколько примеров.

В лезгинском языке высказывание *Иншаллагь! (Инша + Аллах)* ‘если будет угодно Аллаху’ используется мусульманами в знак смирения перед волей Всевышнего. Исламский богослов VII века Ибн Аббас отмечал, что мусульманин должен произносить данную фразу, когда речь идет о каких-либо планах и событиях в будущем, ведь упоминание о воле Аллаха облегчает человеку выполнение задуманного, помогает ему получить благословение Всевышнего. В современном повседневном общении междометие *Иншаллагь!* является маркером т. н. «будущего предположительного времени», указывающего на возможность совершения действия при определённом условии: *Адаз зи патайни саламар це. – Иншаллагь* ‘Ему и от меня передай привет. – Хорошо’ (в значении: ‘Передам, если на то будет воля Аллаха’) [ЛРС, 1966]. Кроме того, в лезгинском языке данное высказывание может выполнять функции вежливого, тактичного отказа, замещающего категоричное «нет», которое может послужить причиной коммуникативных сбоев: ‘То, о чём вы просите (или спрашиваете), невозможно, если только не вмешается Всевышний’ [СЛЯ, 2003].

В украинском языке фразы: *Слава Богу!, Слава тобі, Боже [Господи]!* являются неотъемлемой частью молитв и произносятся верующими в знак искренней преданности и благодарения Богу. В разговорной речи данные единицы являются носителями разных эмотивных смыслов и могут выражать: а) удовлетворение от реализации чего-то долго ожидаемого: *Пройшов і піст, відговілись і – **слава тобі господи!** – дождались воскресенія* (Квітка-Основ’яненко); б) подтверждение того, что все благополучно: *Я радію: – **Слава господові,** що і в нас, як і в людей, благодатно!* (Марко Вовчок), а также выполнять в

предложении функции вводных слов и словосочетаний, отражая отношение говорящего к действительности: *Бо ти вже,* ***слава богу,*** *дівка, а в тебе і одежі доброї немає! – додала вона [мати] і так тихо, так ласкаво* (Панас Мирний).

2.3. В зависимости от выполняемых функций междометные образования с компонентом «*Аллах / Бог»* можно поделить на 2 группы: 1) эмоционально-экспрессивные и 2) этикетные.

2.3.1. Высказывания первой группы лишены коммуникативной направленности и используются исключительно для выражения различных эмоциональных состояний и оценок говорящего (радость, удивление, потрясение, одобрение и т. д.). Данные речевые единицы характеризуются лаконизмом, ярко выраженной экспрессивностью, семантической диффузностью и соответственно – большой зависимостью от контекста. Например, в украинском языке богатой эмотивной семантикой характеризуются восклицания: *О Боже (мій)! Господи (Милосердний)!,* которые могут выражать: радость, мольбу, отчаяние, надежду, страдание, удивление, восхищение и др.: *Господи милосердний! Дай моїй дочечці доброго чоловіка* (Квітка-Основ'яненко) – мольба; *Ой, Боже мій! Такої муки я ще не терпіла!* (Леся Українка) – страдание; *О Боже, яка краса!* – восхищение и т. д. В лезгинском языке схожим эмотивным потенциалом обладает, например, междометие: *Аман Аллагь!* 'О, Боже мой!', которое может выражать мольбу, страдание, отчаяние и др.: *Аман аллагь, вакай са чара!* 'О боже, в тебе лишь спасение!' – отчаяние [ЛРС, 1966].

В результате анализа установлено, что в лезгинском языке среди эмоционально-экспрессивных междометий преобладают однословные лексемы (*Алла! Яллагь! Иншаллагь! Машаллагь! Бисмиллагь!* и др.), тогда как в украинском языке – предложно-падежные формы (*Ради Бога! Слава Богу!*) и устойчивые словосочетания (*Господь Милосердий! Боже праведний!* и др.). Вместе с тем, в обоих языках зафиксированы и более сложные синтаксические единицы – предикативные конструкции, транслирующие, как правило, негативные эмоции. Например, фразы: лезг. *Аллагьди яргъазрай!* 'Не дай Бог!' (букв. 'Пусть Аллах держит подальше'); *Аллагьди вичи хьуй!* 'Избави бог!'; укр. *Не дай [не приведи, крий, боронь] Боже!; Нехай [хай] Бог [Господь] боронить [милує]!* – выражают моральное потрясение, категоричное несогласие, отрицание, отказ в сочетании с неодобрением, возмущением, осуждением, предупреждением о негативных последствиях. Например: *Ибурухъ вуч хьанватIа?! Кьенва жал?! Аллагьди яргъазрай!* 'Что с ними?! Неужели умерли?! Не дай Аллах!' (ЛРС); *Повернутись до нього [сонця] спиною – крий боже! Яка невдячність* (М. Коцюбинський). В качестве предостережения

человеку, который совершает недостойный поступок или говорит неправду используются императивные формы: лезг. *Аллагьдикай кичIе хьухь!* ‘Бойся Аллаха!’ [СЛЯ, 2003]; укр. *Бій (-те)ся [побій (- те)ся] Бога!* [СУМ, 1970-1980].

По целевой установке эмоционально-экспрессивные высказывания в сопоставляемых языках в свою очередь делятся на 2 подгруппы: 1) собственно эмоциональные (аффективы), главная функция которых – передача чувств и эмоциональных состояний адресанта, например: лезг. *Алла!* ‘Э-э!’ – возглас, выражающий удивление, возмущение, раздражение и др.: *Алла ваз гьикьван лугьуда!* ‘О, боже! Сколько тебе говорить!’; укр. *Ох, Боже ж мій, я ж думала, що тебе вже й на світі нема … Де ж це ти взявся?* (М. Кропивницький); 2) эмоционально-оценочные – речевые единицы, в значении которых эмоциональное отношение говорящего к какому-либо объекту или ситуации сопровождается их субъективной оценкой, характеристикой. Например, в лезгинском языке восклицание *Машаллагь!* в повседневной разговорной речи обычно используется не только для выражения радости, но и для одобрения при комментировании каких-либо событий или обсуждении кого-либо (эквивалент русских междометий: *Вот так!; Прекрасно!; Браво!; Молодец!*) [ЛРС, 1966]: *Куьн аялар гьикьван гуьрчегбур я, машаллагь!* ‘Какие у Вас красивые дети!’; *Машаллагь! Вуч гуьрчег затIя!* ‘Какая прелесть!’. Высказывание *Аллагьдиз шукур хьурай!,* которое имеет религиозные корни, в повседневном общении лезгин может выражать эмоциональное отношение адресанта к событию или ситуации: *Лезгийри чпин адетар хъсан хвена* ‘Слава Аллаху! Лезгины хорошо сохранили свои обычаи’ – одобрение действия + чувство глубокого удовлетворения от происходящего.

В украинском языке эмотивы (*О)Боже (ж) мій!, На все (те) воля Божа [Господня]!* могут также одновременно выражать эмоциональное состояние говорящего и оценку происходящих событий: *Боже ж мій!.. Так ось вони!! Справжні, реальні, невигадані і – незчислимі. Як розгадка болючої і жаскої таємниці* (І. Багряний) – оценка ситуации + потрясение; *На те воля божа, моя любко, – кажу я. Плачем лиха не поправите* (Марко Вовчок) – оценка сложившейся ситуации (смирение) + эмоциональное утешение.

Отличительной особенностью лезгинского языка является наличие среди эмоционально-экспрессивных высказываний большого количества речевых единиц, образованных путем основосложения, сращения слов (лексико-синтаксический способ), а также редупликации (повтора одной и той же основы или одного и того же слова): *Яллагь! (я+Аллагь), Аллагь-Аллагь!, Валлагь-биллагь!* Данные способы словообразования в лезгинском языке относятся к наиболее продуктивным. Для украинских эмотивов такие

способы образования не характерны.

2.3.2. Высказывания второй группы обслуживают сферу речевого этикета (приветствия, прощания, соболезнования, благодарности и др.). Данные языковые единицы имеют ярко выраженную коммуникативную направленность и в большинстве случаев представляют собой предикативные конструкции-перформативы, произнесение которых равнозначно коммуникативному действию: «я приветствую», «я прощаюсь», «я соболезную» и т. д., например: лезг. *Аллагь куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’ (приветствие); *Аллагьдин [кьуд] калам къалумрай!* ‘Клянусь Богом!’ (клятва), укр. *Бог на (у) поміч!* (приветствие), *Дай, Боже, щастя!* (пожелание добра).

Этикетные высказывания с компонентом *Бог / Аллах* реализуют в первую очередь фатическую (контактоустанавливающую) функцию, на которую накладывается эмотивная функция – выражение доброжелательного отношения к собеседнику. В сопоставляемых языках среди высказываний данной подгруппы чаще всего встречаются трудовые приветствия и благопожелания-напутствия, которые отличаются широкой вариативностью форм. Например: в лезгинском языке: *Аллагь куьмек хьурай!* ‘Бог в помощь!’ (букв. ‘Пусть поможет тебе Аллах!’), *Аллагьдал аманат <хьурай>!* ‘Пусть Бог (тебя) бережет!’, *Аллагьди нуьсрет гурай!* ‘Да поможет (тебе) Бог!’, *Аллагьди сабур гуй (гурай)!* ‘Дай Бог тебе терпения!’, *Аллагьди (вичи) хуьй [хуьрай]!* ‘Пусть хранит Аллах!’ и др.

В украинском языке: *Бог на (у) поміч!; Богпоміч!; Помагай Біг (Бог, Боже) [тобі]!; Біг, помагай! Помагай, Боже! Боже, поможи!, Боже Вам помагай!; Дай, Боже, щастя!; Дай, Боже, час і пору добру!* [СУМ, 1970-1980]. Функционирование указанных выше украинских приветствий преимущественно в устной форме привело к разного рода сращениям, что характерно для диалектной речи: *Пома(га)й-бо!; Помагайбі!; Помай Биг!; Помагайбіг!; Магайбі!; Богпоміч!; Дайбоздоровля!; Дай-бо здоровля!* [СУМ, 1970-1980] и др.

3. Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы.**

3.1. Высказывания с компонентом *Аллах / Бог* в лезгинском и украинском языках обладают большим эмотивным потенциалом. В религиозно-ритуальных контекстах данные речевые единицы выполняют магическую функцию, обеспечивая взаимодействие человека с Богом. Вследствие частого и семантически избыточного использования в однотипных коммуникативных ситуациях исследуемые высказывания утратили сакральные семы и трансформировались в междометия, сигнализирующие о различных эмоциональных состояниях и оценочных реакциях говорящего.

3.2. В сопоставляемых языках эмотивы с компонентом «Аллах / Бог» в зависимости

от выполняемых функций делятся на две группы: эмоционально-экспрессивные – фразы, которые лишены коммуникативной направленности и содержат только эмоциональные и оценочные семы, и этикетные – высказывания, выполняющие контактоустанавливающую функцию, на которую в процессе коммуникации накладывается эмотивная функция.

3.3. Эмотивы с компонентом «Аллах / Бог» обладают как простой, так и осложненной структурой, объединяющим элементом служит наличие эмотивной составляющей в структуре их значений. Среди эмоционально-экспрессивных высказываний в лезгинском языке доминируют лаконичные однословные языковые единицы, в украинском – предложно-падежные формы и устойчивые словосочетания. Среди этикетных эмотивов с компонентом «Аллах / Бог» в обоих языках преобладают предикативные конструкции с оптативной семантикой, чаще всего – приветствия и благопожелания-напутствия.

3.4. Следует отметить, что в лезгинском и украинском языках большинство высказываний с компонентом *Аллах / Бог* транслируют схожие эмотивные смыслы, что свидетельствует об универсальном характере эмоций. Вместе с тем, способы вербализации эмоциональных состояний и оценочных реакций человека, выбор тех или иных языковых средств для их манифестации специфичен для каждого этноса, что обусловлено особенностями языковой национальной картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

2. Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1961. 393 с.

3. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 197 с.

4. Ветрова Э. С. Эмотивная семантика междометных высказываний с компонентом «Бог / Аллах» в речи украинцев и лезгин // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 38-48.

5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва: Прогресс, 1992. 224 с.

6. Ионова С. В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1(51). С. 26-39

7. Карасик В. И. Девербализация // Язык и эмоции: Номинативные и коммуникативные аспекты: сборник научных трудов к юбилею Виктора Ивановича Шаховского. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2009. С. 166-174.

8. Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // Избранные труды XLIII международной филологической конференции. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2015. С. 321-332.

9. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. Москва, 1981. 270 с.

10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва: Книжный дом «Либроком», 2012. 208 с.

11. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 416.

12. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва: Книжный дом «Либроком», 2010. 128 с.

13. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. Lyon, 1977. 256 p.

14. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. N.Y., 1921. 126 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: Перун, 2004. 1425 с. [ВТСЛУ].

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Доступ: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja. (дата обращения: 26.10.2024). [Даль].

3. Лезгинско-русский словарь / сост. Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев; под ред. Р. И. Гайдарова. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 603 с. [ЛРС].

4. Русско-лезгинский словарь / сост. М. М. Гаджиев, Б. Б. Талибов; под ред. Р. И. Гайдарова. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 604 с. [РЛС].

5. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. 1083 с. [СЛЯ].

6. Словник української мови: в 11-ти т. Київ: Наук. думка, 1970-1980. Т. I-XI. [СУМ].

7. Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Доступ: https://lexicography.online/etymology/vasmer. (дата обращения: 26.10.2024). [Фасмер].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moskva: Yazyki russkoi kultury. (In Russ.).

2. Balli, Sh. (1961). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moskva: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russ.).

3. Vezhbitskaya, A. (1996). Tolkovanie emotsionalnykh kontseptov [Interpretation of emotional concepts]. In *Yazyk. Kultura. Poznanie.* Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).

4. Vetrova, E. S. (2015). Emotivnaya semantika mezhdometnykh vyskazyvaniy s komponentom «Bog / Allakh» v rechi ukraintsev i lezgin [Emotional semantics of interjections with the component ‘God / Allah’ in Ukrainian and Lezgin speech]. In *Nauchnyy dialog*. No 12 (48). Pp. 38-48. (In Russ.).

5. Giyom, G. (1992). *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

6. Ionova, S. V. (2022). Lingvopsikhologiya emotsii v kontseptsiyakh sovremennogo yazykoznaniya [The Linguopsychology of Emotions in the concepts of modern Linguistics]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No 1 (51). Pp. 26-39. (In Russ.).

7. Karasik, V. I. (2009). Deverbalizatsiya [Deverbalization]. *In Yazyk i emotsii: Nominativnye i kommunikativnye aspekty:* sbornik nauchnykh trudov k yubileyu Viktora Ivanovicha Shakhovskogo. Volgograd: Volgogradskoe nauch. izd-vo. Pp. 166-174. (In Russ.).

8. Piotrovskaya, L. A. (2015). Emotivnost i deyksis [Emotivity and deixis]. In *Izbrannye trudy XLIII mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta. Pp. 321-332. (In Russ.).

9. Teliya, V. N. (1981). *Tipy yazykovykh znacheniy. Svyazannoe znachenie slova v yazyke* [Types of language meanings. The associated meaning of a word in the language]. Moskva. (In Russ.).

10. Shakhovskiy, V. I. (2012). *Kategorizatsiya emotsii v leksikosemanticheskoy sisteme yazyka.* [Categorization of the emotion in the lexico-semantic system of a language]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).

11. Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

12. Shakhovskiy, V. I. (2010). *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologiya*. [Emotions: Pre-Linguistics, Linguistics and Cultural Linguistics)]. Moskva: Knizhnyy dom «Librokom». (In Russ.).

13. Kerbrat-Orecchioni, C. (1977). *La connotation*. Lyon.

14. Sapir, E. (1921). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. N. Y.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoyi ukrayinskoyi movy* [Large explanatory dictionary of the modern Ukrainian language]. In V. T. Busel (ed.). Kiyiv; Irpin: Perun, 2004. (In Ukr.).

2. *Slovar arabskikh i persidskikh zaimstvovaniy v lezginskom yazyke* (2001) [Dictionary of Arabic and Persian loanwords in the Lezgian language]. In S. M. Zabitov, I. I. Efendiev (eds.). Makhachkala, 174 p. (In Russ.).

3. Dal, V. I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the live Great Russian Language]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja. (accessed: 26.10.2024).

4. *Lezginsko-russkiy slovar* [Lezgian-Russian dictionary]. In B. B. Talibov, M. M. Gadzhiev, R. I. Gaidarov (ed.). Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1966. (In Russ.).

5. *Russko-lezginskiy slovar* [Russian-Lezgian dictionary]. In B. B. Talibov, M. M. Gadzhiev, R. I. Gaidarov (ed.). Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1966. (In Russ.).

6. Gyulmagomedov, A. G. (2003). *Slovar lezginskogo yazyka* [Lezgian language dictionary]. Makhachkala: IPTs DGU. (In Russ.).

7. *Slovnik ukrayinskoyi movy* [Ukrainian language dictionary]. Kiyiv: Nauk. Dumka, 1970-1980. Vol. I-XI. (In Ukr.).

8. Fasmer, M. (2024). *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (accessed: 26.10.2024). (In Russ.).

Ветрова Эльвира Сабировна – *доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: e.vetrova75@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*
283001, Донецк, Университетская, 24

Vetrova Elvira S. *– Doctor of Philology, Professor of Translation Theory and Practice Department (e-mail: e.vetrova75@yandex.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»*
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2024 г.